

Инь Вэй, услышав шум, поспешил на место происшествия. Еще не успев отдышаться, он увидел, как чья-то рука, перепачканная кровью и строительной пылью, вытолкнула наружу его полосатую кошку.

Его глаза мгновенно покраснели, к ним подступили слезы.

— Ваше Высочество...? — Лин Гэ смотрела на него с нескрываемым изумлением.

Инь Вэй, совершенно забыв о своем высоком положении, вместе с остальными разбирал обломки балок и черепицы. Его охватившая тревога была настолько велика, что он даже не пытался ее скрыть.

Не обращая внимания на удивление девушки, он продолжал говорить в сторону провала, и в его голосе звучали такие горькие рыдания, что у любого, кто это слышал, сердце разрывалось на части:

— Не спи, прошу тебя, я сейчас вытащу тебя...

— Цзянь Иянь, не спи...

Он был в ужасе. Он до смерти боялся, что человек внутри просто погрузится в беспамятство и уже никогда не проснется.

И надо же было такому случиться, что именно Цзянь Иянь отвечал за строительные работы.

Он был в панике, перепробовал множество способов, чтобы прогнать кошку. Но как бы он ее ни пугал, она каждый день возвращалась к нему.

— Не возвращайся больше...

В четырнадцать лет его заставили участвовать в конкурсе на звание лучшего куртизана только из-за его лица, вызывавшего у других зависть. В павильоне всегда находились те, кому он был как кость в горле, и именно они выведали, что он тайком подкармливает бездомную кошку.

— Не возвращайся больше...

С покрасневшими глазами он отчаянно пытался прогнать ее, но его застали с поличным.

Когда кошка немного подросла, она научилась ловить мышей и часто приносила ему свои

трофеи. Он смертельно боялся этого и просил: Ешь их на улице, я не могу на это смотреть.

Кошка, кажется, поняла его и больше не приносила мышей.

Его продали в Павильон Цветов и Чашечек, и по ночам он постоянно слышал, как за стенами кричат бездомные кошки. Эти полосатые коты были дикими и часто дрались за территорию. В комнате повсюду кишели мыши, они буквально облепляли его, и от этого невыносимо воняло.

Он невольно задрожал и спрятал голову еще глубже.

— Этот паренек — настоящий красавец, за него можно выручить куда больше, чем за других. Смотрите, чтобы он не сбежал.

— Не покормите пару дней, и станет послушным.

Из-за бездарного управления двора в провинциях часто случался голод.

...

Одна кошка принесла котят, но не успела их вырастить — их загрызли другие бродячие коты. Их трупики висели на карнизе, располосованные, в ужасном виде.

У той полосатой кошки была красивая шерстка, на животе — белоснежный мех, мягкий и теплый на ощупь. Когда он нашел то логово, то обнаружил, что трое котят уже мертвы, а последний выживший жалобно пищал от голода. Он тайком принес его к себе и изо всех сил пытался выходить.

В убогой, темной хижине, крытой соломой, он сжимался в маленький комочек, покрытый синяками и ссадинами. Вокруг раздавался шорох — что-то копошилось в соломе под ним.

— Она ловит мышей, не бейте ее, умоляю вас...

Он бросился на защиту, но его грубо оттолкнули, и люди продолжали с остервенением бить кошку палками. Она не выдержала и трех ударов; умирая, она выглядела так же страшно, как и ее мать.

— У-у-у... — он обнимал ее и плакал, не желая разжимать рук, даже когда весь перепачкался в крови.

— Кто знает, нет ли у него какой заразы? От этих диких кошек столько грязи.

— Скорее закройте его, как бы он нас не заразил.

— Лучший куртизан?

— Он больше не лучший.

— В павильон привезли кого-то по красивее, разве не видишь?

— Доктор, будьте добры. У него нет болезни... хотя можно сказать, что есть.

Кто-то подкупил врача, осматривавшего его.

Вскоре у него действительно появилась болезнь. Они ножом изуродовали его лицо — то самое лицо, которое вызывало у них такую дикую зависть.

Некоторые люди поддерживают близкие отношения лишь потому, что у них есть общая жертва. Они могут вместе издеваться над ним, унижать его и всаживать нож в спину. Потому что он не такой, как они, потому что в нем есть то, чего им никогда не достичь. А когда эта недостижимая часть была уничтожена, он утратил свою главную ценность.

Кто-то лицемерно бросил вслед:

— Жаль такое красивое лицо.

...

В ту ночь, когда выбирали лучшего куртизана, в павильоне сияли огни, было шумно и весело, повсюду слышался смех знатных юношей и продажных девиц.

А в другом, темном дворе его вынесли из дома, накрыв убогой циновкой, решив, что он уже мертв. Слуги прикрывали носы и перешептывались, повторяя ту самую ложь:

— Он и правда был болен, хорошо, что обнаружили вовремя.

Возможно, его выбросили бы на общую могилу или оставили в каком-нибудь сыром углу на съедение бродячим псам. Но за всем этим наблюдал один человек.

Это был законный сын рода Вэнь — Вэнь Шидао.

От него веяло холодной отстраненностью, а внешностью он превосходил большинство юношей

в павильоне. Если бы не его статус, многие мужчины открыто жаждали бы его и восхищались им. Кто бы мог подумать, что такой человек придет в подобное место.

Позже он и представить себе не мог, что именно Вэнь Шидао спасет его. И не только его — даже тот юный красавец из Павильона Цветов и Чашечек оказался в его власти.

Их обоих привели в одну комнату. Вэнь Шидао сидел во главе стола, глядя на них сверху вниз. Его холодные глаза, глубокие, как бездна, не позволяли разгадать истинные мысли.

— Покажи то, чему тебя научили в павильоне, — приказал он юноше.

— ...Что? — юноша широко раскрыл глаза от изумления. Этот человек требует, чтобы он при нем исполнил все те постельные утехи?

Юноша был невероятно красив, и, став лучшим куртизаном вскоре после прибытия, он, разумеется, был весьма высокомерен. Он тут же отказался. Но он не знал, что методы Вэнь Шидао были куда жестче, чем могло показаться на первый взгляд.

Юношу, сопротивлявшегося, выволокли вон. И просто отдали на потеху прислуге.

Теперь в комнате остались только он и Вэнь Шидао. Он услышал, как Вэнь Шидао повторил свой приказ — это был приказ, не терпящий возражений.

Сцепив зубы, он снял одежду. Его руки дрожали, когда он касался собственного тела, выставя его напоказ — самую соблазнительную свою часть. Он подавил в себе все унижение, дойдя до самого конца.

Со стороны это могло показаться причудой Вэнь Шидао. Но он-то ясно понимал: Вэнь Шидао не испытывал ровным счетом ничего. Он смотрел на него так, как смотрят на товар.

Товар. Он оценивал, сколько пользы можно из него извлечь.

Позже Вэнь Шидао пригласил искусного лекаря, чтобы тот залечил шрамы на его лице. Чтобы повысить свою ценность, он должен был учиться многому, а не только тому, как ублажать других. Фармакология, каллиграфия, танцы, музыка, искусство владения мечом и даже боевые искусства. И еще — развитие хобби, словно все это было подобрано под чьи-то вкусы.

Когда обучение было завершено, Вэнь Шидао снова бросил его в Павильон Цветов и Чашечек — для закалки. Только тогда он понял, что павильон — лишь ничтожная часть огромной империи рода Вэнь.

Вэнь Шидао назначил его управляющим. Научил, как распоряжаться имуществом и как

укрощать непокорных. Он мог стать коварной змеей, безжалостной и мстительной, а мог — распутной лисой, способной очаровать любого.

Ты жаждешь власти? Жаждешь ощущения, когда всех, кто тебе неприятен, можно втоптать в грязь?

Обладая правом карать и миловать, ты сможешь завести любимую полосатую кошку и больше не бояться нашествия мышей. Ты сможешь использовать интриги, чтобы устранить противников или целые группировки, низвергнуть тех, кто когда-то стоял высоко, в бездонную пропасть, заставив их испытать всю ту боль, что когда-то пережил ты сам.

Положение выше всех, вершина власти. Как можно этого не желать?

Вэнь Шидао отправил его во дворец, и он, используя любые средства, чтобы приблизиться к нынешнему правителю, воплотил все свои желания в реальность. Но в конечном итоге он остался для Вэнь Шидао лишь товаром, инструментом, пешкой.

Достаточно одного яда, чтобы Вэнь Шидао мог крепко держать его в узде, не давая сопротивляться.

— Отныне твоя фамилия — Инь.

Инь — рука, держащая посох, символ власти.

— Имя — Вэй.

Ничтожный, убогий человек.

Пешка, наделенная властью.

...

Инь Вэй открыл глаза и посмотрел на толпу чиновников, распростертых ниц.

— Я вовсе не лишен человечности, — усмехнулся он. — У вас есть шанс оправдаться. Объясните, что произошло в Зале Июань.

Лица чиновников из Цзянцзоцзянь стали смертельно бледными.

Оправдаться? С того самого момента, как они завысили смету на строительные работы, они упустили шанс на оправдание.

Количество замешанных чиновников было пугающим. Тюрьмы Министерства наказаний ждали новых гостей.

— Ради вашего сына... — Инь Вэй подошел к Цзянь Исину и тихо произнес: — Ограничимся штрафом в размере жалования за три месяца. Я надеюсь, что нравы в Министерстве общественных работ будут исправлены.

Цзянь Исин остолбенел, но, придя в себя, поклонился:

— Благодарю Ваше Высочество за милость.

Вскоре Вэнь Шидао был повышен с должности ученого академии Ханьлинь до Главы секретариата, получив право составлять указы и выполнять функции канцлера.

...

Когда Цзянь Иянь пришел в себя, он решил, что находится в поместье Цзянь, но, увидев Вэнь Шидао, который принес ему лекарство, понял, что что-то не так. Почему он в доме Вэнь Шидао?

Цзянь Иянь до смерти боялся этого парня. Ему вечно казалось, что в следующую секунду Вэнь Шидао скажет: Перепиши Ханьгуан сто раз. А Ханьгуан он мог переписывать до онемения рук. С ним лучше не связываться.

Поэтому Цзянь Иянь послушно выпил лекарство, не смея ни о чем спрашивать. Дни выздоровления тянулись бесконечно, а необходимость каждый день видеть Вэнь Шидао заставляла его мечтать о побеге.

Однажды, когда он пил отвар, молчаливый до этого Вэнь Шидао вдруг спросил:

— Почему ты спас Цзянь Юня?

Цзянь Иянь замер. С тех пор прошло столько времени, он и не думал, что Вэнь Шидао вспомнит об этом.

— Просто мне стало его жаль, — Цзянь Иянь смотрел в чашу, надеясь, что Вэнь Шидао поскорее сменит тему.

— Посмотри на меня, — голос Вэнь Шидао звучал низко.

Цзянь Иянь поднял глаза.

Вэнь Шидао:

— Повтори еще раз.

Цзянь Иянь:

— Просто мне стало его жаль...

Вэнь Шидао, не менясь в лице:

— Ты лжешь.

Цзянь Иянь:

— ...

...

Позже Сяо Ли, Цзянь Шучи и Ли Линьань приходили в поместье Вэнь навестить его, но Вэнь Шидао всех их выставил за дверь. Цзянь Иянь не мог понять причин, а вот остальные заметили неладное и заподозрили Вэнь Шидао в дурных намерениях.

Ли Линьань не могла унять гнев. Неужели ее влияния не хватает, чтобы справиться с каким-то Главой секретариата? Всего лишь чиновник, а ведет себя так, будто ему море по колено!

Она в ярости направилась к покоям императора, но стража у входа преградила ей путь.

— Я хочу видеть отца, по какому праву вы меня останавливаете?

Командир стражи с улыбкой ответил:

— Прошу прощения, принцесса. Это приказ императрицы, мы лишь следуем воле государя.

Ли Линьань усмехнулась:

— Отец еще жив, а вы, псы, так преданы императрице... Не бойтесь, что я и...

В этот момент раздался голос, прервавший ее:

— С кем это принцесса собирается идти против меня?

Сердце Ли Линьянь сжалось. Инь Вэй появился за ее спиной в сопровождении свиты.

— С таким длинным языком никто не осмелится тебе помочь, — холодно произнес он. — Неважно, хочешь ли ты, чтобы государь лишил меня титула императрицы, или затеваешь что-то еще... хочу напомнить тебе одно: в этом месте у тебя никогда не было права голоса, а тем более возможности тягаться со мной.

В тот год ему было восемь, когда семья продала его работоторговцам за горсть еды.

...

Цзянь Иянь тяжело дышал, с трудом выдавив из себя:

— Убирайся.

...

...

Затем он с невозмутимым видом начал рвать их лист за листом прямо на глазах у Цзянь Ияня и спросил:

— А где твои чертежи?

— Неужели звезды на небе так прекрасны?

Позади раздался голос, и лицо Цзянь Ияня мгновенно побелело. Он поспешно задернул шторы.

Чу Цинцы тяжело дышал, убедившись, что тот больше не будет сопротивляться, отбросил одежду в сторону.

— Если бы ты был послушным, мне не пришлось бы заходить так далеко.

Чу Цинцы подошел к книжному шкафу и вытащил несколько книг по астрономии, исписанных пометками.

— Теперь ты стал таким красноречивым, — злобно усмехнулся Чу Цинцы. — А знаешь, как далеко я могу зайти в своем показном чувстве?

Едва закончив фразу, Чу Цинцы прижал белую ткань к носу и рту Цзянь Ияня.

— У тебя никогда не было права на отказ! Я так искренне относился к тебе, использовал все средства, лишь бы поговорить с тобой! А ты хоть раз посмотрел на меня прямо? На что ты смотришь? На это? — Чу Цинцы с силой втащил его в комнату и схватил со стола книгу по астрофизике. — Я готов вырвать тебе эти глаза...

Я никогда не буду ни под кого подстраиваться. Будь то чувства или выбор профессии — свою жизнь я буду определять сам.

— Я не хочу, — сказал Цзянь Иянь. — Даже если ты дашь мне последний шанс.

Цзянь Иянь с отвращением смотрел на него:

— По какому праву ты вообще меня любишь? Использовал И Мэн, чтобы подобраться ко мне, и притворяешься влюбленным...

— М-м... — Цзянь Иянь начал сопротивляться, отчаянно пытаясь разжать руки, но Чу Цинцы резко прижал его к кровати.

Одежда была пропитана препаратом, доза была невелика — она оставляла крупницы сознания, но лишала сил для борьбы.

— Это ведь твоя одежда... знаешь, для чего я ее использую? — на лице Чу Цинцы выступил румянец, голос охрип. — Каждый вечер я представляю, что это ты...

Взгляд Цзянь Ияня затуманился, сопротивление стало слабеть.

Чу Цинцы замер, а затем рассмеялся.

— Не хочешь? — он сжал челюсть Цзянь Ияня, глаза его покраснели. — По какому праву ты смеешь мне отказывать?

Чу Цинцы наклонился к нему, взгляд его был ледяным:

— Красиво, да?

У Цзянь Ияня от напряжения вспотели ладони. Чу Цинцы снова сходил с ума.

— Я спрашиваю еще раз: кра-си-во?

Цзянь Иянь не мог солгать, поэтому молчал, с ужасом глядя на него.

Чу Цинцы на этот раз не стал переспрашивать, поднял руку и коснулся следов поцелуев на его щеке, тихо прошептав:

— Еще болит? Это все я виноват...

Цзянь Иянь почувствовал неладное и начал пятиться, пытаясь уйти от его руки. И точно — Чу Цинцы мгновенно сменил гнев на милость, схватил его за горло и прижал к стене, скрежеща зубами:

— Я должен был выколоть тебе глаза!

В этих глазах были только холод, отвращение и страх, никогда не было ни капли восхищения — ни тогда, ни сейчас.

Чу Цинцы никогда не расставался со своим канцелярским ножом. Цзянь Иянь, задыхаясь от слез, видел, как лезвие движется к его глазам. Он был в таком ужасе, что страх перед опасностью парализовал его. Он попытался закрыть руками, схватился за лезвие, заставив его изменить угол, но глаза все равно были повреждены кровью, и несколько дней он ничего не видел.

Он сходил с ума, свернувшись калачиком на кровати, живя в каком-то забытии.

Раздался звон металла, и Чу Цинцы с улыбкой спросил:

— Хочешь сбежать?

— Разве ты сможешь? — цепи в его руках блеснули прямо перед глазами Цзянь Ияня.

Цзянь Иянь пришел в ужас, его психологическая защита рухнула.

...

...

— !!!

Цзянь Иянь резко проснулся, обливаясь холодным потом. Он сел, закрыл лицо руками, стирая слезы. На мгновение ему показалось, что его руки в крови.

С тех пор как он вернулся от Вэнь Шидао после выздоровления, его душевное состояние оставляло желать лучшего.

Слишком похоже. Вэнь Шидао был слишком похож на Чу Цинцы. Тот же взгляд, те же попытки прощупать почву, та же подавляемая безумная ярость.

Была глубокая ночь, Цзянь Иянь никак не мог уснуть. Зажег лампу и сел за чертежи.

Сегодня был его первый день после выхода на работу. В час Кролика проснулась система и принесла весть:

— На утреннем собрании поздоровайся с новым главным регистратором из Цзянцзоцзянь.

— Угу.

Система удивилась: этот парень даже не спросил почему, сегодня он какой-то холодный. Мужское сердце — как морское дно.

Из-за требований задания ей все же пришлось объясниться:

— Лу Минцзе, так его зовут.

Цзянь Иянь замер, имя показалось знакомым.

Система развела руками:

— Конечно знакомо, он же с твоего факультета архитектуры, как может быть не знакомо? Вы вместе на занятия ходили на первом курсе.

Цзянь Иянь: ???

Он попал в книгу?

— Да ладно, главный трудоголик факультета, умер от переутомления за чертежами, — сказала система. — Раз уж он так старался, дадим ему шанс заработать на «воскрешение». К тому же, ему хватит и одного мира. Завидуешь? Ему достаточно просто заработать очки достижений.

Цзянь Иянь с каменным лицом: О.

Система: О-о-о-о, олух ты такой.

...

Цзянь Иянь рассеянно следовал за Цзянь Исином и Цзянь Шучи на утреннее собрание. В карете Цзянь Шучи спрашивал, не беспокоит ли его что-то. Цзянь Иянь покачал головой и промолчал. Цзянь Шучи хотел было еще что-то сказать, но карета уже остановилась у дворцовых ворот.

Собрания на самом деле были скучнейшим делом, но, к счастью, его ранг позволял стоять только за пределами зала, так что внутрь с Цзянь Исином идти не пришлось.

Инь Вэй еще не пришел, Цзянь Иянь стоял довольно расслабленно, когда к нему подошел человек в чиновничьем халате седьмого ранга с возбужденным видом.

Видимо, встреча соотечественника на чужбине — глаза Лу Минцзе наполнились слезами.

Они переглянулись и молча пришли к согласию: ходим в обед в лапшичную, поболтаем.

Система: ???

...

На собрании обсуждали зимнюю охоту и реконструкцию Зала Июань. Министерство общественных работ настаивало на том, чтобы отложить работы до следующей весны.

В Цзянцзоцзянь недавно сменилось руководство, всех главных чиновников сместили, а новые еще не вникли в дела и сказали, что согласны с Министерством.

Затем Инь Вэй добавил, что при Цзянцзоцзянь будет создано Управление надзора, куда переведут людей из Министерства общественных работ для контроля.

А кандидатура начальника?

Инь Вэй невозмутимо произнес:

— Цзянь Иянь.

Цзянь Иянь: ...